

И.В. Калинина

УСЛОВИЯ ФОРМИРОВАНИЯ ЛИДЕРА В АРХАИЧЕСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Социальная активность индивида в традиционной и современной технологической культуре, очевидно, не одно и то же. Я не уверена, что наше понимание слова лидер как глава, вождь, занимающий высокое положение в обществе, соответствует образу лидера в архаическом обществе. Возможно, будет общим лишь отношение к авторитету лидера как примеру-образцу особой, обществом принимаемой и ожидаемой личностной активности. В архаическом обществе соблюдалось требование самоконтроля и самодисциплины индивида. Принцип невмешательства в протекание природных процессов, следование культурным традициям исключали стремление к преобразованиям природы и общества¹.

Остановлюсь на некоторых общих моментах воспитания и обучения в традиционном обществе. Этой теме посвящено много этнографических исследований, и она, может быть, не столь интересна этнографам, но для археологов типологически сходные аспекты воспитания в разных культурах представляют определенный интерес.

Прежде всего, это традиционные представления о возрастных категориях. У юго-восточных тувинцев через три года богиня Умай покидала ребенка, и он обретал *кут* — «душу». С трехлетнего возраста ребенок получал пояс и шубу — *тон*, со всеми отличиями, присущими одежде взрослых. У хакасов дети с 3–5 лет считались официально просватанными. Начиная с трехлетнего возраста производственным навыкам сына обучает отец, а дочь — мать.

¹ О векторах активности традиционной и техногенной культур см. [Степанин 2003: 23–24].

У туркмен «девочки с 3–5 лет отделялись от мальчиков, <...> совместные игры не запрещались и отделение мальчиков от девочек связано было <...> с выполнением различных функций в семье: девочки помогали матери в домашнем хозяйстве, а мальчики в присмотре за скотом — отцу <...> «Девочки, — как сообщает автор середины XIX в., — помогают в уходе за молочной скотиной, <...> принимают участие в приготовлении пищи, шитье одежды, вязании обуви, ткнут сукно и ковры, валяют войлоки, разбирают и собирают кибитки». Столь же суровое воспитание в детстве, получал и мальчик. «Мальчика 4-х лет сажают уже на верховую лошадь, в нарочно устроенное седло *иръ* <...> и приучают ходить за скотом вблизи кибиток» [Курбанов 1998: 90].

У казахов «отец сажал 2–3-летнего ребенка впереди себя на седло и отправлялся с ним пасти овец, пригнать табун лошадей или верблюдов. К 6–7 годам ребенок <...> мог сам, без помощи родителей, отделить свой скот от общего стада, пригнать его домой» [Курбанов 1998: 44–45].

У селькупов в детском возрасте отбирали будущив воинов-ляков, с малых лет их учили отбивать стрелы. С детства начиналась военная подготовка и у коряков. Детей, кроме борьбы и бега, обучали увертываться от стрел. «Чуткость развивалась с помощью огня. Подкравшись к ребенку, его обжигали острым раскаленным предметом. Тренируя таким образом своих сыновей в течение всего детства, коряки достигали того, что ребенок от малейшего шороха или прикосновения отскакивал в сторону» [Чесноков 2000: 176]. Судя по некоторым источникам, в Ахеменидской державе мальчиков с 5 лет обучали верховой езде и стрельбе из лука, метанию дротиков, бегу [Дандамаев, Луконин 1989: 229]. То есть когда герой эпоса в три года совершает свой первый подвиг — это не фантазия сказителя, а отражение определенных исторических реалий¹.

Ребенку в раннем возрасте отец уделял мало внимания, все заботы лежали на матери [Курбанов 1998: 90]. Матери нередко до 2–3 лет вскармливали детей своим молоком [Ботяков, Ботякова 1998: 72]. Однако и столь ранний возраст считался важным для воспитания ребен-

¹ Трехлетний возраст — «начало активной деятельности богатыря». Многие герои монгольских былин сразу рождаются «трехлетками» или «четырёхлетками» и остаются в этом качестве на протяжении всего сюжета [Неклюдов 1984: 109].

ка, и ответственность за это возлагалась на мать. Для пятилетнего мальчика в Кении считалось позором не знать свою генеалогию, в его невоспитанности винили мать.

В раннем возрасте память ребенка наиболее пластична. У чукчей современные генеалогические описания насчитывают от 3 до 11 поколений. Система генеалогической памяти, позволявшая в отдельных случаях учитывать родство вплоть до 20-го поколения, формировалась через разговоры о родстве, принимавшие форму героических сказаний о предках. С детства каждый был осведомлен, в какой степени родства он состоит со своими живыми сородичами. На праздниках при испрашивании благополучия поминались все родственники — от стариков до младенцев — в соответствии с родственной номенклатурой [Лебедев, Оборотова 1991: 275–277].

Ребенок находился и под присмотром стариков — «хранителей мудрости». Ему передавались знания традиционных знаковых функций вещей, орнаментов¹. Дети находились с матерями при исполнении обрядов, допускающих присутствие женщин. Воспитание детей не было личным делом отдельной семьи. В архаических и в традиционных культурах возрастные инициации, переходные обряды носили коллективный характер. Необходимо также учитывать присущее архаическому обществу не индивидуальное, а групповое родство.

Самый трудный период в жизни ребенка начинался в шесть лет. Обучение в этом возрасте включало физическую и психологическую адаптацию к трудовой деятельности. Этнографы отмечают, что «обязанности детей по уходу за скотом, в том числе лошадьми, были сложными и трудоемкими». У казахов дети ухаживали за лошадьми, «они знали, сколько и когда надо ей дать зерна, воды, сена и т.п.» «В зимнее время дети чистили загоны для скота от остатков навоза и сена». В 10–12 лет мальчику «можно полностью доверить лошадь» [Курьлев 1998: 44–46].

Обратимся к археологическим материалам. «Для верхнего палеолита средний возраст умерших, по данным Т. Уолдрон, 33,3 года для мужчин и 28,7 — для женщин. На этом фоне люди, доживающие до 40–50 лет, воспринимаются как долгожители, <...> а подростки — как полноценные члены общества, готовые к репродуктивной деятельно-

¹ По ногтевым отпечаткам на фрагментах керамики из трех памятников эпохи раннего железа установлено привлечение детей (неполовозрелых членов общества) к орнаментации сосудов [Бобринский 2008].

сти. <...> Погребения подростков в большинстве случаев сопровождаются <...> многочисленным сопутствующим инвентарем, <...> по богатству “перекрывающим” погребения взрослых». Относительно погребения подростков в Сунгире высказано предположение о социальной значимости подростка в верхнепалеолитическом обществе [Бутинова 2000: 444].

По заключению антропологов, изучавших сунгирские погребения, «чрезвычайно широкое развитие плечевого пояса, наблюдаемого у всех сунгирцев, говорит о значительном развитии мускульного компонента. Некоторые особенности внутреннего и внешнего строения трубчатых костей свидетельствуют об усиленном физическом развитии и тренированности не только взрослого мужчины Сунгирь 1, но и сунгирских детей. Силовая нагрузка у Сунгирь 2 и Сунгирь 3, по-видимому, достигала взрослых масштабов. <...> Вместе с тем воздействие на опорно-двигательный аппарат у индивидуумов, возможно, отличалось в связи с различной специализацией». У взрослого «индивидуума Сунгирь 1 <...> пояс нижних конечностей характеризуется мускульным развитием определенных групп мышц, ассоциирующихся с активной ходьбой и частым, возможно, на продолжительные дистанции бегом. <...> У мальчика сильнее развита правая верхняя конечность. <...> Движение ассоциируется с замахом, например при метании копья». Исследователями сделан вывод, что «в охоте принимали участие взрослые и молодые (неполовозрелые) члены группы мужского пола» [Бутинова, Медникова, Козловская 2000: 421–422; 425].

Этот вывод может быть дополнен. Специализация, необходимая верхнепалеолитическому обществу, по-видимому, базировалась и на индивидуальных физических различиях внутри групп одного пола. Девочка (Сунгирь 3), судя по специализации двигательной активности, определенной по костям, возможно, занималась «высверливанием отверстий <...> при камне- и костерезных работах» [Там же: 423]. «Одежда сунгирцев, расшитая несколькими тысячами бус, позволяет оценить, насколько трудоемка была эта работа» [Там же: 425].

Итак, для верхнего палеолита имеются косвенные данные о ранней физической подготовке и индивидуальной специализации по физическим данным. Учитывалась, как и в традиционном обществе, предрасположенность ребенка к обретению тех или иных навыков. Возможно, археологические погребения и более поздних эпох в ряде случаев свидетельствуют не о наличии лидеров-вождей, а о специали-

зации отдельных лиц, владеющих определенными навыками, значимыми для общества.

Грунтовый могильник у д. Ростовка (Среднее Прииртышье, эпоха бронзы), по мнению Е.Н. Черныха и С.В. Кузьминых, соответствует социально-клановой иерархии общества: «В факте разнородности погребального инвентаря могильника Ростовка находит отражение двухкомпонентный характер культуры оставившего его населения — металлурги и коневоды (вероятно всадники), с одной стороны, и охотники и рыболовы — с другой». Однако И.В. Усачева по наличию т.н. «утюжков» — выпрямителей древков стрел — выделяет неординарные погребения и внутри группы охотников-рыболовов [Усачева 2009: 13]. По ее мнению, «редкая встречаемость таких могил должна свидетельствовать о немногочисленности в коллективе мастеров, владеющих соответствующими навыками», об особом прижизненном статусе умершего» [Там же: 18].

Вернемся к вопросам воспитания в архаическом и традиционных обществах. В 12–14 летнем подростке начинают проявляться черты будущего лидера. Д. Локвуд описал обуревающие подростка чувства, когда в лесу его наставником стал смелый охотник из племени нганди, который учил его законам и обычаям племени, будучи на десять лет старше. «Этот покровительственный тон! Это самомнение! — пишет Локвуд. — Он, видите ли, считал, что сын Барнабаха достоин идти по его следам! Между тем <...> он всего-навсего нганди. Хорошо еще, <...> что испытания на площадке для корробы научили меня сдержанности. А то бы уж я всадил тебя копые под нужным углом» [Локвуд: 1971: 69, 72].

Другой пример — описание военно-демократической системы социализации в адыгейском обществе: «Все соучастники первых <...> походов обращались к молодому князю с выраженной аффектацией, всячески выражая ему абсолютное пренебрежение, как к человеку, еще не доказавшему ни своих способностей, ни храбрости, ни воли. Последний же ни при каких обстоятельствах не должен был выражать ни малейшего неудовольствия или обиды, ибо это влекло за собой полное пренебрежение окружающих» [Панеш 1998: 99, 104]¹.

¹ Исследования, проводившиеся учениками Л.С. Выготского в отдаленных кишлаках Средней Азии среди неграмотного населения, жившего в условиях почти натурального хозяйства, показали, что самооценка, осознание человеком своих внутренних свойств чаще всего основывается на характеристике его поведения окружающими [Лурия 1974: 151–152].

В архаическом обществе жизнь осознанно воспринималась как прохождение испытаний. Будущий лидер — это тот, кто лучше других мог физически и психологически пройти испытания. Проводились состязания, выявлявшие сильнейших. В Корее в старину «состязание в стрельбе из лука входило составной частью в государственные экзамены, которые сдавали янбаны для получения чиновничьих должностей» [Ионова 1987: 28]. В XVI в. в Турции лучники соревновались за награждение высокими должностями.

Наличие «силы» требовалось доказать. Этому есть археологические подтверждения. В древней Мексике в обрядах поклонения Солнцу производилась игра в каучуковый мяч. Участники игры нередко получали увечья, так как вес каучукового мяча мог достигать трех килограммов. Капитана проигравшей команды приносили в жертву [Лейнар 2002: 198]. Однако археологами было раскопано погребение. Похороненный мужчина, судя по костям, получил удар мячом в грудь, весьма болезненный, сломавший ему ребра. После этого мужчина, по заключению антропологов, еще долго жил и, по-видимому, по-прежнему исполнял свои общественные функции, судя по богатому сопровождающему инвентарю.

Другой пример — средневековый могильник Иванов Мыс 1 в Прииртышье. У погребенного ударом клинкового оружия была отсечена «часть скальпа с костной основой. <...> Судя по зафиксированным следам заживления, человек после получения раны прожил достаточно длительное время. <...> При <...> ранении были <...> рассечены <...> мышцы, управляющие движением головы и шеи и удерживающие голову в вертикальном положении. <...> Потеря “головной кожи” не помешала ему сохранить или вернуть воинскую честь: он был похоронен в <...> кургане с атрибутами, указывающими на высокий социальный статус» [Ражев, Пошехонова 2009: 83–88].

Лидеры в архаическом обществе — это, несомненно, незаурядные личности, воспитанные этим обществом. Обретению высокого социального статуса личности способствовала ранняя профессиональная специализация, соответствующая биологическим особенностям индивида.

Библиография

Бобринский А. А. Установление пола индивидов по ногтевым отпечаткам на керамике // Проблемы современной археологии: Сборник памяти В. А. Басилова. М., 2008. С. 316–345.

Ботяков Ю.М., Ботякова О.А. Раннее детство в представлениях и обрядах туркмен // Детство в традиционной культуре народов Средней Азии, Казахстана и Кавказа. СПб., 1998. С. 51–84.

Бутинова А.П. Парные и непарные захоронения верхнего палеолита. Критерии отбора погребенных // *Homo sungirensis*. Верхнепалеолитический человек: экологические и эволюционные аспекты исследования. М., 2000.

Бутинова А.П., Медникова М.Б., Козловская М.В. Стратегия выживания верхнепалеолитического человека на примере выживания обитателей Сунгирской стоянки // *Homo sungirensis*. Верхнепалеолитический человек: экологические и эволюционные аспекты исследования. М., 2000.

Дандамаев М.А., Луконин В.Г. Культура и экономика древнего Ирана. М., 1980.

Ионова Ю.В. История формирования и характеристика корейского фонда Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого // Сб. МАЭ. Л., 1987. ХLI. С. 8–31.

Курбанов А.В. Традиционное воспитание детей у ставропольских туркмен // Детство в традиционной культуре народов Средней Азии, Казахстана и Кавказа. СПб., 1998. С. 85–95.

Курьлев В.П. О некоторых традиционных приемах обучения детей верховой езде и уходу за лошадей у казахов // Детство в традиционной культуре народов Средней Азии, Казахстана и Кавказа. СПб., 1998. С. 37–50.

Лебедев В.В., Оборотова Е.А. К вопросу об экологическом гомеостазе в традиционных обществах Арктики и Субарктики // Этническая экология: теория и практика. М., 1991. С. 270–286.

Лейнар Т. Игра в мяч // Путешествие в страну богов. Мексика (памятники древности). СПб., 2002.

Локвуд Д. Я — абориген. М., 1971.

Лурия А.Р. Об историческом развитии познавательных процессов. Экспериментально-психологическое исследование. М., 1974.

Неклюдов С.Ю. Героический эпос монгольских народов. Устные и литературные традиции. М., 1984.

Панеш Э.Х. Некоторые аспекты традиционной социализации у народов северо-западного Кавказа: Традиции и современность // Детство в традиционной культуре народов Средней Азии, Казахстана и Кавказа. СПб., 1998. С. 96–114.

Ражев Д.И., Пошехонова О.Е. Обычай срубания кос у средневековых воинов Западной Сибири // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2009. № 10. С. 83–89.

Степнин В.С. Теоретическое знание. М., 2003.

Усачева И.В. «Утюжки» — социологический аспект: от мастерства к специализации // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2009. № 10. С. 12–19.

Чесноков Ю.В. Игры оленных чукчей и коряков // Народные игры и игрушки. СПб., 2000. С. 173–184.